

О СИМВОЛИЧЕСКОМ ПОДТЕКСТЕ
ДАТЫ НАПИСАНИЯ
«СЛОВА О ПОГИБЕЛИ РУССКОЙ ЗЕМЛИ»
А. М. РЕМИЗОВА

СЕРГЕЙ ДОЦЕНКО

Но если он получил Дух святой, он
имеет в качестве дара имя.
(Ев. от Филиппа, 59).

Точная датировка собственных произведений (вплоть до указания не только года, но и дня месяца) — характерная черта творчества Ремизова 1917–1921 гг., тем более приметная на фоне не столь точной датировки произведений более раннего периода. Объясняется это осознанием себя летописцем событий революции и гражданской войны: наиболее адекватным жанром для Ремизова становится «летописная повесть», «временник» — так он определил жанровую природу своей автобиографической книги «Взвихренная Русь».

«Слово о гибели русской земли», первоначально печатавшееся как самостоятельное произведение, также имело точную дату написания, обозначенную автором: 5.X.1917 г. После включения «Слова» в состав книги «Взвихренная Русь» и дата, и заглавие были опущены. На первый взгляд, дата самая обыкновенная, ничем не примечательная, просто фиксирующая день работы над рукописью «Слова». К такому выводу приходит, хотя и с некоторой осторожностью, А. М. Грачева во вступительной заметке к публикации дневника А. Ремизова за 1917–1921 гг.¹ Не исключая такого вполне тривиального статуса даты 5.X.1917 г., рискнем предположить, что у нее есть определенный символический подтекст.

Предварительно заметим, что в сознании Ремизова можно обнаружить особую отмеченность некоторых дат и событий, с ними связанных, которым писатель придавал

символический смысл. К такому относится дата рождения Ремизова (24 июня, в Купальскую ночь), дата первой публикации — начала литературной карьеры (8.IX.1902 г.), дата смерти А. Блока (7.VIII.1921 г.), ассоциировавшаяся для Ремизова с началом эмиграции (в этот день Ремизовы пересекли границу России и Эстонии), и ряд других. Обычно эти даты обозначают ключевые, поворотные события в его жизни. Дата 5 октября также отмечена в сознании Ремизова, ибо это — день его именин. По словам самого Ремизова, назван он был Алексеем в память московского митрополита Алексия, праздновавшегося 5 октября вместе с другими московскими святителями Петром, Филиппом и Ионой: «Алексей Михайлович родился в Москве 24 июня 1877 года и получил имя московского митрополита Алексея. Петр, Алексей, Иона и Филипп — живые кремлевские камни, московские чудотворцы, основатели Московского государства».² День памяти своего тезки Ремизов не забывал — в письме Л. Шестову от 25.X.1922 г. он шутливо обыгрывает сдвиг в церковном календаре, происшедший в связи с переходом на новый стиль: «Посмотрел в Святцы, а именины мои по новому стилю на ЛУКУ Евангелиста, стало быть, хочешь не хочешь, а Лукой сделался».³ А в дневнике от 18.X.1956 г. (5.X по старому стилю) записывает: «Сегодня московский праздник Петра, Алексея, Ионы, Филиппа. Мои «не именины», или, как говорили, не считаются. Я попал в именинную середку».⁴

В годы революции и гражданской войны имена московских святых становятся для Ремизова символами святости, народной веры, русской истории, — для него они «неугасимые огни», которые должны вывести погибающую Россию из тьмы «пропада». Таков смысл главы «Неугасимые огни», заключающей книгу «Взвихренная Русь». Поминая знаменитых московских святых и знаменитые московские святыни, Ремизов именно в них видит последнюю надежду на спасение России. Особенно явно мысль эта выражена в «Заповедном слове русскому народу» (1918): «О, святые чудотворцы угодники, великие русские святители, заступники за землю русскую —

Сергие Радонежский!

Петр, Алексей, Иона и Филипп!

Василий блаженный, Прокопий праведный, Нил предобный Сорский!

Савватий и Зосима соловецкие!

— в зеленые пустыни ушли вы, молясь за весь мир, за грешную Русь, вы хранили ее, грешную, и в беде и под игом и в смуту, вы святили ей, убогой, сквозь темь звездами!»⁵

В «Слове о погибели русской земли» русские святые не названы по имени, но именно о них идет речь в риторическом вопросе: «Или в мать-пустыню, покорясь судьбе, ушли твои верные сыны?»⁶ Список святых у Ремизова — сугубо «московский», но не столько в географическом смысле, сколько в культурно-историческом: это святые эпохи Московской Руси, сыгравшие важную роль в политической, церковной, духовной истории Московского государства XIV - XVI вв. Нет в этом списке русских святых, чтимых в домосковский период (Бориса и Глеба, Феодосия Печерского, Александра Невского и др.), нет и столь почитавшихся на Руси св. Георгия и св. Николая.⁷ Зато поминаются «Христа ради» юродивые, о которых Ремизов скажет: «Это наше — русское — эти выродки человеческого рода — юродивые <...> с такими не запустеет земля и Москва стоит <...>».⁸

Описывая гибель русской земли, оплакивая «краснозвонную, отошедшую в вечность» Россию, Ремизов пытается найти причину того, почему в «сердцевине подточилась Русь» (С. 13). Главная причина, с его точки зрения, — в утрате исторической памяти, в забвении народной веры. В дневнике от 4.ІІІ.1917 г. он записывает: «Вся ночь прошла в думе о судьбе России. Атеистично-безбожно».⁹ А в «Слове» эта же мысль изложена более пространно: «Человекоборцы безбожные, на земле мечтающие создать рай земной, <...> вожди народные, только счастья ему желавшие, вы, делая дело свое, сея вражду, вы по кусочкам вырывали веру, не заметили, что с верою гибла сама русская жизнь» (С. 12—13). Залогом будущего воскресения России Ремизову видится память о тех русских святых, кои были ее хранителями и спасителями в эпохи исторических потрясений и катастроф. Не случайно в книге «Взвихренная Русь» темы и образы «Слова» мотивированы посещением Ремизовым московских святынь и исторических реликвий — Кремля как средоточия исторической и культурной памяти. Судя по дневниковым

записям, Ремизов посетил Москву 15—31.VII.1917 г. В записи от 21—22.VII.1917 г. кратко сообщается: «Был на все-нощной в Успенском соборе <...>». ¹⁰ Во «Взвихренной Руси» (гл. «Москва») это событие описывается более подробно и приобретает символический смысл хождения ко святым местам: «Всенощная кончилась — темными стаями расходился народ. Только в Архангельском соборе горели огни — неугасимые лампы. А там на Иване Великом огромный колокол глазатый пустыми окнами. А там — звезды, как осенние. И вдруг я понял, что все это — прошло — эта Россия...». ¹¹ После этих слов следует «Слово о гибели русской земли». В таком контексте отчетливо проявляется и ритуальная функция «Слова» как поминальной молитвы: «отошедшую в вечность» (т.е. «усопшую») Русь необходимо отпеть (ср. в финале «Слова» мотив «прощального, поминального пирога», «который когда-то испекла покойница Русь» — С. 24). Знаменательно и то, что заключительным словом в «Слове о гибели русской земли» оказывается именно слово «память» как часть литургической формулы («В-е-е-е-ч-н-а-я п-а-а-м-я-т-ь»).

Забвение равносильно смерти, а сохранение памяти есть воскресение, «новая жизнь». ¹² Одним из знаков памяти становится сама дата написания «Слова» — 5 октября, день памяти особо чтимых святых, московских чудотворцев, в числе которых — митрополит Алексий, соименник Алексея Ремизова, его ангел-хранитель.

Таким образом Ремизов актуализирует свое духовное родство с образами русской истории, русской культуры, русского государства. В этой связи особенно значимым становится постоянный мотив ремизовской автобиографической прозы 20-х—40-х годов — мотив московского происхождения Ремизова, биографической связи с Москвой и ее символическими топосами (Кремлем, Замоскворечьем, церквями и монастырями), в которых запечатлелась память об историческом прошлом.

«Родился я в сердце Москвы, в Замоскворечье у Каменного «Каинова» моста, и первое, что я увидел, лунные кремлевские башни, а красный звон Ивановской колокольни — первый оклик, на который я встрепенулся». ¹³ «Я счастлив, что родился русским на просторной <...> русской земле Льва Толстого и Достоевского, в ее сердце — Москве с освященным в веках Кремлем, «красным звоном», напевной московской речью <...>». ¹⁴ «Моск-

ва моя колыбель. Москва — училище, университет. И от заставы до заставы, нет улицы нехоженной. Москва — театры, кладбище, Кремль, Успенский собор».¹⁵ «Природы каменной, колыбель моя — кремлевские стены, вся Москва <...>».¹⁶ В «Слове» мы также находим этот мотив: «<...> я русский, сын русского, я из самых недр твоих» (С. 16).

Посещение Кремля — всенощной в Успенском соборе — 20.VII.1917 г. в Ильин день для Ремизова не только посещение московских святынь, но и возвращение в собственное детство. Иными словами, актуализация одновременно памяти и национально-исторической, и автобиографической: «И хоть я не раз видел всякие святыни, опять посмотрел и все потрогал».¹⁷ О единстве своей судьбы и исторической судьбы России Ремизов пишет в дневнике (запись от 3.IX.1917 г.): «Теперь стало ясно: Россия погибнет. Она должна искупить грехи свои. И я готов принять эту кару со всем народом русским».¹⁸ Эта же тема относится к числу главных в «Слове»: «Но теперь — нет, я не оставляю тебя и в грехе твоём, и в беде твоей <...> Как же мне покинуть тебя? <...> Ты и поверженная, искупающая грех свой, навсегда со мной останешься в моем сердце. <...> Сотрут имя твое, сгинешь, и стояла ты или не было, кто вспомнит? Я душу сохраню мою русскую с верой в правду твою страдную, сокрою в сердце своем, **сокрою память о тебе** <...>» (С. 15–17). Поэтому дата 5 октября, имеющая прежде всего смысл автобиографический, сугубо личный, для Ремизова в то же время приобретает статус даты исторической, знаменующей единство прошлого и настоящего, личной судьбы писателя и исторической судьбы России.

5. X/18.X.1994 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Ремизов А. Дневник 1917–1921 / Подгот. текста А. М. Грачевой, Е. Д. Резникова. Вступ. заметка и коммент. А. М. Грачевой // Минувшее: Историч. альм. — М.; СПб., 1994. — Вып. 16. — С. 410.
- 2 К о д р я н с к а я Н. Алексей Ремизов. — Париж, <1959>. — С. 65.
- 3 Переписка Л. И. Шестова с А. М. Ремизовым // Русская литература. — 1993. — N 1. — С. 179.

- 4 К о д р я н с к а я Н. Алексей Ремизов. — С. 295. Правда, в автобиографии 1923 г. свое имя Ремизов соотносит с образом другого святого — Алексея человека Божьего (день памяти — 17 марта по ст. стилю) — для объяснения своей «страннической» судьбы (см.: Алексей Ремизов о себе // Россия. — М.; Пг., 1923. — N 6. — С. 26).
- 5 Р е м и з о в А. Заповедное слово русскому народу // Раннее утро. — 1918. — 16 апр. — N 65 (см. также др. публ.: Воля народа. — 1918. — N 1. — С. 17–19; Почта вечерняя. — 1918. — 17 мая. — N 14. — С. 3).
- 6 Р е м и з о в А. Огненная Россия. — Ревель: Библиофил, 1921. — С. 11. В дальнейшем ссылки на «Слово» даются по этому изданию в тексте статьи (с указанием страницы).
- 7 О почитании на Руси св. Николая «как русского народного бога», «чудотворца и заступника за русскую землю» Ремизов прекрасно знал, т.к. еще до революции создал цикл легенд о нем (см.: Р е м и з о в А. Николины притчи. — Пг., 1917). Отсутствие св. Николая (как и св. Георгия, покровителя Москвы) в «Заповедном слове» связано, по-видимому, с тем, что они не исконно русские святые, а заимствованные в эпоху византийского влияния.
- 8 Р е м и з о в А. Иверень: Загогулины моей памяти. — Berkeley, 1986. — С. 221. К образам московских святителей как символу крепости России Ремизов обращается и позднее: «Москва крепка чудотворцами: на четырех столпах стоит Московский кремль — Петр-Алексей-Иона и Филипп» (Р е м и з о в А. Иверень. — С. 221); «И особенно трепетно такие близкие, родные Москве — Петр, Алексей, Иона и Филипп (их мощи покоятся в Кремле) <...>» (Р е м и з о в А. Подстриженными глазами: Книга узлов и закрут памяти. — Париж, 1951. — С. 279); «В левом приделе, — так вдруг блеснуло мне, — в уголку у окна лежит Петр, митрополит, там и есть сердце России; и всегда огонек; разве есть в мире такая сила, чтобы погасить этот огонь?» (Р е м и з о в А. Пляшущий демон <1949> // Р е м и з о в А. Огонь вещей. — М., 1989. — С. 281).
- 9 Р е м и з о в А. Дневник 1917–1921. — С. 421.
- 10 Там же. — С. 456.
- 11 Р е м и з о в А. Взвихренная Русь. — М., 1991. — С. 318.
- 12 О значении темы памяти во «Взвихренной Руси» см.: S i n a n y - M a c L e o d Н. Структурная композиция «Взвихренной Руси» // Aleksej Remizov: Approaches to a Protean Writer. — Columbus (Ohio), 1987. — P. 239, 241; Б е з р о д н ы й М. Об источниках книги Ремизова «Электрон» // Новое литературное обозрение. — 1993. — N 4. — С. 154–156.
- 13 Р е м и з о в А. Подстриженными глазами. — С. 6.

- 14 Там же. — С. 27.
- 15 Ремизов А. Иверень. — С. 224.
- 16 Ремизов А. Встречи: Петербургский буерак. — С. 87—88.
- 17 Ремизов А. Взвихренная Русь. — С. 317. Тема единства исторической и автобиографической памяти затем эксплицируется в финале «Взвихренной Руси» (гл. «Неугасимые огни»): «Живо встает старая память — ночные успенские крестные хода. <...> Веки у меня тяжелые — вся вторая неделя Госпожинок крестный ход, ночь не спишь; глаза вспугнуты — августовский утренник, колотит дрожь <...> А бывало, когда сил уж нет выстоять до конца службу или просто не хочется, станешь в вереницу, обойдешь мощи, приложишься к Влахернской «теплой ручке» (а и вправду, теплая, как живая!), выйдешь на соборную площадь <...> и пойдешь по соборам» (Ремизов А. Взвихренная Русь. — С. 530—531). Очевидно, что Ремизов на достопримечательности кремлевских церквей смотрит не глазами взрослого человека, а глазами ребенка — себя в детстве.
- 18 Ремизов А. Дневник 1917—1921. — С. 461.